

Третьяковская галерея открыла выставку Николая Сапунова

Николай Сапунов. «Ряженные». 1908 год. Третьяковская галерея

Вчера в Третьяковской галерее (Инженерный корпус в Лаврушинском переулке) открылась выставка Николая Сапунова (1880—1912). Ученик Левитана, Серова и Коровина, член объединения «Голубая роза», Сапунов — один из самых красивых наших художников. Красивой получилась и выставка.

Известия 2003-19 апреля 19

Николай МОЛОК

В экспозиции — 130 произведений Сапунова. В основном натюрморты и театральные эскизы, но также пейзажи и портреты.

Здесь все радует глаз. Желтые, красные, розовые пионы. Голубые, бежевые, бирюзовые гортензии. Сиреневые рододендроны. Розово-желтые розы. И так далее. Те же самые цветочные пятна в пейзажах и даже в театральных эскизах — пачки балерин написаны так, словно это бутоны гвоздик.

Николай Сапунов начинал очень весело. Он изображал красоту природы и жизни, ее полноту, богатство и многообразие. Не увядающую накануне зимы листву (как любили показывать природу его предшественники — пессимисты-передвижники), а ровно наоборот — ее расцвет. «Цветущие яблони» (так называется одна из его картин) — вот метафора его отношения к природе.

К жизни он относился примерно так же: жизнь для него — весела и прекрасна. Это сплошной маскарад, яркие пятна костюмов, счастье и восторг. «На маскараде» (так называется другая его картина) — вот метафора его отношения к жизни.

Потом вдруг с Сапуновым что-то случилось. Началось все с картины: «Карусель» (на выставку ее привезли из Русского музея), которую все специалисты считают главной в его творчестве. Тоже вроде весело и счастливо. Но карусель — это символ вечного круговорота жизни и в конечном счете смерти. Так в старину парки развлечений украшали картинами с изображением качелей, которые должны были напоминать тогдашним тузовщикам о бренности бытия.

В конце жизни Сапунов стал писать очень трагические картины — сцены чаепития и сцены в трактире. Пронзительно грустные, до отворачивания, работы на тему русского пьяного (и всякого прочего буйного, бессмысленного и беспощадного) веселья, заимствованную то ли у Гоголя, то ли у Салтыкова-Щедрина, то ли у Перова. Так веселый художник Сапунов превратился в мрачного, депрессивного Сапунова. Его палитра поблекла, главным цветом стал темно-коричневый.

Он умер очень рано — утонул в Финском заливе в возрасте 32 лет. И, как ни кошунственно это прозвучит, умер вовремя. Можно представить, что с ним было бы потом. После 1917 года он наверняка бы эмигрировал и подобно Добужинскому или Юрию Анненкову где-нибудь в Париже стал бы обслуживать декадентские вкусы русской диаспоры.

Впрочем, дело не только в декадентских вкусах заказчиков, но и в маньеризме самого Сапунова. Очевидно, что с точки зрения развития его творчества дальше был бы тупик.

Выставка, кстати, прекрасно объясняет, почему вскоре после смерти Сапунова в России родился авангард. После вот такой яркой, до слащавости, живописи, которая самая себя изжила, превратившись в трагически-пафосную, у искусства оставался только один путь — минимализм авангарда, абстракция, беспредметность, отстраненность от жизни и природы и в конечном счете конструирование новой модели мира. Чем и занялись конструктивисты под руководством большевиков.

Но это было потом. А пока Николай Сапунов писал голубые гортензии и сиреневые рододендроны.